

К строевой годен!

Так решил военкомат, когда парень вырос на 21 сантиметр

— ПРОЧИТАЛА ВАШУ СТАТЬЮ «Помогите вырасти Саше», — женский голос в трубке звучал взволнованно и скоро, словно собеседница боялась — вот-вот отключатся, слушать не станут. — С моим племянником Леньей была такая же история — в восьмилетнем возрасте он перестал расти. Жил с родителями в деревне, отец его и в Свердловск, и в Сочи возил на консультацию. Но по-настоящему Леню стали лечить в семнадцать лет, когда я его в Магнитку привезла. Выписали хориогонин, я его правдами и неправдами смогла добыть, курс лечения провели, и он вырос за год на двадцать один сантиметр. Его сразу в армию и забрали. У меня все бумажки эти сохранились случайно, я могу их вам передать. Может, и Саше поможет это лекарство?..

— А сколько сейчас Лене? — спрашиваю женщину, представившуюся Зоей Егоровной Бутуновой, мысленно рисуя облик парня едва за двадцать. Что подобное заболевание могли успешно лечить уже не одно десятилетие, как-то и в голову не пришло. Казалось, изобрести такое выдающееся лекарство, помогающее расти детям, у которых нет гормона роста, могли только в двадцать первом тысячелетии.

— Завтра пятьдесят один исполнится...

Вот это действительно — чудеса медицины! Но большее чудо — материнское, вернее, в данном случае — тетушкино — упорство: племянника надо вылечить. Нельзя в семнадцать лет выглядеть восьмилетним малышом. Да и какое будущее могло ждать Леню с таким ростиком? В общем, все те же мысли, что и у бабушки двенадцатилетнего героя материала «Помогите вырасти Саше».

— Я эту статью прочитала — ну прямо все про моего Леню. И у него тоже ручки были

Фото из семейного архива.

День проводов в армию.

маленькие, и ножки, но весь такой складный, пропорциональный, только маленький, — это Зоя Егоровна рассказывает мне уже при встрече. — Его остановку в росте я связываю с аварией на химкомбинате

«Маяк». Взрыв там в пятьдесят седьмом году был, а как-то по телевизору показывали карту районов, которые захватило радиационное облако. Слободотуринский район Свердловской области, где тогда Леня с родителями жил, как раз и захватило. А он в пятьдесят четвертом родился, пока облако доползло до них,

как раз и получается — Леня перестал расти. Там у них в деревне и телята с двумя головами рождались, и людей тогда много поумирало...

Мы с мужем забрали его к себе после смерти моего брата, Лениного отца, решили лечить. Сколько же я от врачей наслушалась, как же они меня костерили: «Что вы за мать! Надо было раньше ребенка приводить!» А я стою, голову опушу — не будешь же каждому объяснять, что я тетка, а не мать. Назначили ему уколы этого

хориогонина, но предупредили: навряд ли лекарство достанете, его даже в Москве нет. В Москве нет, говорю, а я достану. И достала через наше аптекоуправление, на их базе, а в аптеках этого лекарства, конечно, не было.

Тем временем устроила я Леню в сорок первое училище. Поговорила с директором, объяснила ситуацию, он и предложил поступить ему на специальность «сигнализация, централизация и блокировка железных дорог»: здесь, мол, рост помехой не будет. И каждый день медсестра здравпункта училища колола ему хориогонин. Один курс лечения мы полностью прошли, и Леня за год вырос до 160

Инвалиды — не изгой

Есть в Питере уникальное учебное заведение. Оно помогает получить новую профессию людям, ставшим инвалидами.

— Учиться здесь легко и интересно, — говорит Лена, осваивающая курс «основы бизнеса». Лена работала поваром в хорошем ресторане, но год назад в результате несчастного случая на производстве лишилась пальцев. Работать по прежней специальности стало невозможно. И это в 22 года! До учебы здесь Лена считала, что жизнь ее кончена...

Проблема молодых инвалидов в том, что ребятам психологически тяжело вливаться в коллектив здоровых людей, они часто ощущают себя изгоями, стесняются своих физических недостатков, замыкаются в себе. В колледже же никто не обращает внимания на болезни друг друга. Наоборот, все стараются поддержать товарища, помогают освободиться от неуверенности и работающие здесь психологи. Тут обучают профессиям художника-декоратора, бухгалтера, медработника. Обучение в колледже бесплатное.

Жизненно важное для племянника лекарство пришлось доставать по блату

как раз и получается — Леня перестал расти. Там у них в деревне и телята с двумя головами рождались, и людей тогда много поумирало...

Мы с мужем забрали его к себе после смерти моего брата, Лениного отца, решили лечить. Сколько же я от врачей наслушалась, как же они меня костерили: «Что вы за мать! Надо было раньше ребенка приводить!» А я стою, голову опушу — не будешь же каждому объяснять, что я тетка, а не мать. Назначили ему уколы этого

Ответа не знает никто ХОЧУ СКАЗАТЬ

«Что такое доброта?» — спрашивает в письме студентка Людмила Видяшова. Думаю, на этот вечный вопрос нельзя ответить за всех: каждый вкладывает в слово свое понятие. Один считает, что зло — во имя спасения — высшее благо и проявление добродетели. Другой же ни при каких обстоятельствах не делает зло, даже если его поступок улучшит ему положение, но тем самым усугубит положение другого.

Наверное, сколько людей, столько и мнений. Для меня доброта ассоциируется с такими понятиями, как душевное тепло, любовь, трепет, отзывчивость, готовность прийти на помощь, подать руку упавшему. И — бескорыстно.

Но, наверное, не родился еще на свет человек с поистине доброй и чистой душой. Вероятно, потому, что людей очень много, и в каждом надо вложить хоть немного добра, а если оно все достанется одному, то может чуть-чуть не достаться кому-то другому. Но мне кажется, что в каждом человеке есть хоть малая часть доброты, хоть крохи, но есть...

Людмила Видяшова затронула один из извечных вопросов — вопрос добра и зла, на который каждый пытается ответить. Но полного ответа не знает никто.

Юлия КУЗНЕЦОВА,
ученица школы № 63.

Гроза, искалечившая жизнь

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сейчас во всех газетах пишут о судьбах людей, прошедших войну. Расскажу о моей маме Домне Демьяновне и нашей семье.

Мама родилась в 1903 году и осталась сиротой в десять лет с двухгодовалой сестренкой на руках. Ее старший брат Андрей Демьянович служил в царской, затем в Красной Армии, прошел и первую мировую, и Отечественную. Маму с сестренкой приютили в богатой семье, а когда ей исполнилось двадцать, посоветовали выйти замуж за шестнадцатилетнего парня — нашего будущего отца. Их семья, приехав в деревню, построила дом и кузницу. Жили в достатке. Но мать нашего будущего отца ослепла, а в доме нужна была молодая хозяйка. Ею и стала наша мама. Перед войной жили дружно и хорошо: у мамы даже были драповое демисезонное пальто и ботинки. Во время войны она из этого пальто сошьет пальтишко сыну, а дочери — из подкладки платье.

За нашим огородом на поскотине стояла ветряная мельница. Однажды в грозу ее разрушило, крылья разлетелись в разные стороны. Колхоз не стал ее восстанавливать, а отдал отцу. И отец из обломков мельницы построил баню и сенки к избе. Люди говорили, что из мель-

ницы ничего строить нельзя: это может накликать несчастье на людей или навести порчу на скотину. Отец был коммунистом и в приметы не верил. Но вскоре мой старший брат восьми лет, катаясь на коньках на речке, провалился под лед. Его успели вытащить, но он простыл, заболел, а потом его парализовало. Мама носила его на руках до шестнадцати лет.

В сорок первом отца забрали в трудовую армию. Мама осталась с шестью детьми, работала дояркой в колхозе. Младшая Шуручка родилась в 1940 году, а умерла в 42-м от того, что ее в яслях уронили с верхнего гобчика и сломали позвоночник. Вскоре после ее смерти у нас в доме раздался из подполья плач. Мне тогда было пять лет, и я это отлично помню. Дома были только я, сестренка девяти лет и двоюродная сестра пятнадцати лет. Вначале мы подумали, что воет собака. Вышли на улицу — собака спокойно лежит на завалинке, а в доме не слышно плача. Мы перепугались и забрались кто куда — кто на стол, кто на скамейку. Когда мама пришла с работы, она сказала, что это был домовой и надо было спросить его: к худу или к добру он плачет.

Вскоре после этого случая накатилась страшная гроза, проливной дождь с градом, сверкали молнии и гремело. На улице паслись корова с

теленком, и мама стала загонять их в коровник. А корова никак не шла и прижималась к стене, загораясь теленком. В то время за падеж скота можно было попасть в тюрьму. Мама, несмотря на грозу, все пыталась загнать корову, и ее ударило молнией. Маму парализовало — ей было всего сорок лет. Она дома пролежала почти без дыхания и движения, вероятно, была в коме, как сейчас говорят. Затем ее увезли в больницу в город Ирбит, там она пролежала без сознания почти месяц. Может, еще бы больше пролежала, если бы не пришла к ней в больницу сестра отца и не стала громко плакать и причитать. От ее крика мама очнулась, открыла глаза, узнала золовку и сразу стала спрашивать о детях. Та сообщила, что детей хотят отдать в приют, и мама стала требовать, чтобы ее выписали.

Маму как увезли, так и привезли на носилках, только уже в сознании. Поставили кровать посередине комнаты, прикрепили веревку к потолку, и она, держась за веревку, стала постепенно садиться в кровати, потом спускать ноги и постепенно ходить. Нами командовала — что и как надо делать. Все обязанности были распределены между детьми: кто стирал, кто готовил, кто в доме убирал. Средний брат — ему тогда было тринадцать лет — доил корову и пек хлеб. Сес-

тра Галина носила молоко на молокозавод — тогда государству сдавали все: молоко, мясо, шкуры, шерсть, яйца... Себе почти ничего не оставалось. Старший брат Иван, хоть и парализованный, начал работать бригадиром в колхозе.

У нас была собака Юрик, очень хорошая и умная. Братья ходили с ней на охоту, приносили дичь, однажды даже загнались козла. На них охота была запрещена, и мы боялись, как бы кто-нибудь не узнал, поэтому варили мясо и жарили котлеты по ночам. И вот, наверное, был уже 1944 год, у нас эту собаку, последнюю надежду на выживание, забрали на войну. Для нас это была трагедия.

В 1945-м вернулся отец, но, увидев мать, понял, что она инвалид на всю оставшуюся жизнь и покинул нас навсегда. Мы выжили сами, как могли: собирали грибы, ягоды, травы, братья ловили рыбу и продолжали охотиться, мы с сестрой осенью собирали мерзлую картошку и пекли из нее лепешки. И нами, как всегда, руководила мама.

После окончания Уральского политехнического института я забрала маму к себе в Магнитогорск. Она умерла тихо и спокойно в 89 лет. Она была мужественной и мудрой: пережила столько горя, но не потеряла веры в жизнь и нам помогала не терять ее.

Зоя БУТУНОВА.